

ОБЪ

ИРИХАХЪ

У ЧУВАШЪ.

В. МАГНИЦКАГО.

КАЗАНЬ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1891.

Печатано по опредѣленію Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи
при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

И. д. Секретаря *А. Александровъ.*

Объ Ирихахъ у чувашъ краткія свѣдѣнія сообщаются многими авторами, писавшими о чувашахъ. Прежде чѣмъ сообщить нѣсколько новыхъ данныхъ, собранныхъ нами по этому предмету, я считаю умѣстнымъ сгруппировать въ одно уже имѣющіяся свѣдѣнія.

Неизвѣстный авторъ статьи о Чувашахъ прошлаго столѣтія говоритъ объ Ирихахъ слѣдующее: „Нѣкоторые изъ Чувашъ имѣютъ у себя домашнихъ идоловъ, называемыхъ ирихами, итярями (второе слово, повидимому, искажено наборщикомъ). Они почитаютъ ириховъ такими духами, кои могутъ причинять, по просьбѣ своихъ хозяевъ, вредъ и болѣзни ихъ сосѣдямъ, любятъ обитать въ свинцовыхъ кружкахъ, въ средину коихъ продѣта красная шерстяная нитка съ привязанной на концѣ висточкой рябиновыхъ ягодъ, которую они ежегодно мѣняютъ, по созрѣніи новыхъ ягодъ. Сей приборъ, ими обожаемый, обернувъ чистымъ полотномъ и берестомъ, они подвѣшиваютъ подъ потолокъ, прикрѣпляютъ къ нему разныя оловячныя и свинцовыя бляхи и хранятъ въ чистотѣ. Ирихи бываютъ злые (хаяръ, въ подлинникѣ невѣрно ханіаръ) и смиренныя (ивваги). Ирихамъ и тюрямъ (?) Чуваша приносятъ въ жертву бѣлыхъ утокъ, саламату съ масломъ и небольшія прѣсныя лепешки. Обрядъ жертвоприношенія имъ совершаются въ домахъ“¹⁾.

¹⁾ Сѣверный архивъ 1827 № X и XI, стр. 139, 228. Въ 1888 г. статья о Чувашахъ перепечатана въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, редакціей коихъ издано сто отдѣльныхъ оттисковъ подъ заглавіемъ: О чувашахъ. Этнографическій очеркъ неизвѣстнаго автора XVIII ст. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Магницкаго. Казань. 1888 г.

А. Θ. Фуксъ въ своихъ Запискахъ о Чувашахъ говорить: „Чуваши ни о чемъ такъ подробно не умѣютъ разсказывать, какъ объ Ирихѣ. Его дѣлаетъ Юмсъ, расплавля олово и выливая его въ формочку. Ирихъ не простой кусокъ олова, но маленькій идолъ съ руками, ногами, глазами и величиною въ вершокъ. Ириха всегда ставятъ въ вѣтяхъ, молятся ему и приносятъ ему жертвы. Жертва Ириху по-чувашски называется *Кимерь*, по-русски—кисель, приготовляемый изъ яшной муки съ масломъ и съ водою; еще приносятъ ему въ жертву прѣсныя лепешки. Ириху молятся, когда болятъ глаза, зубы, уши или когда бываетъ сыпь и вереды. По прошествіи десяти лѣтъ, опредѣляютъ въ жертву Ириху барана.—Рябиновую или липовую вѣтку, на которой виситъ Ирихъ, всякій годъ перемѣняютъ, бросая старую въ воду, а самъ Ирихъ всегда остается“¹⁾. К. Θ. Фуксъ въ отвѣтъ на это сообщеніе въ тѣхъ же Запискахъ пишетъ: „Чуваши не идолопоклонники. У нихъ нѣтъ идоловъ и ничего такого, чему бы они молились. Ихъ Ирихъ, или вѣточки, связанные изъ рябины, въ каждомъ (?) домѣ надъ дверьми находящіяся, служатъ имъ для удаленія недоброжелательнаго духа, вредящаго, какъ они думаютъ, достиженію супружеской цѣли“²⁾.

Протоіерей В. П. Вишневскій въ статьѣ о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ ихъ Ирихѣ говоритъ такъ: „Ирихъ книгу приписываютъ разнаго рода сыпи на тѣлѣ, коросту, чирьи, болѣзнь глазную. Для умилоствленія его они устраиваютъ кузовья, и кладутъ въ нихъ рябиновыя вѣтки, кусочки олова, обрѣзки ногтей, волосы, кисель и хранятъ свои кузовья въ житницахъ“³⁾.

Бывшій адъютантъ-профессоръ Казанскаго Университета В. А. Сбоевъ въ своихъ письмахъ о чувашахъ, печатавшихся въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, опредѣляетъ ириха такъ: „Ирихъ, божество, посылающее на людей разныя наружныя болѣзни, такъ-то: оспу, корь, чирьи, коросты, глазную болѣзнь и проч. Кого постигаетъ одна изъ такихъ болѣзней, тотъ долженъ принести ириху въ жертву гороховый

¹⁾ ²⁾ Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи. Казань. 1740 г., стр. 93, 96 — 97 и 141.

³⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости 1846 г. № 23.

кисель и нѣсколько ягнятъ по назначенію іомси. У одного изъ ягнятъ отнимаютъ голову и кладутъ ее въ особый кузовъ, который обыкновенно вѣшается въ углу амбара, украшается разными вѣтвями, блесками и мелкими серебряными деньгами, и который называется также прихомъ и служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ вышеупомянутыхъ болѣзней“. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же писемъ, по поводу сообщенія А. А. Фуксъ, онъ говоритъ: „Всѣ эти сказанія, противорѣчація одно другому, совершенно несправедливы. Прихи были просто кадеи или кузова поставлявшіеся или вѣшавшіеся въ углу амбаровъ и наполнявшіеся костями принесенныхъ въ жертву животныхъ. Очень явно, что въ „Запискахъ о Чувашахъ“ принята случайная принадлежность предмета за самый предметъ. Точно надъ кузовами съ костями жертвенныхъ животныхъ ставились иногда вѣтки, но къ нимъ привѣшивали не одинъ кусокъ олова, а многія блестяи, а у богатыхъ чувашъ—и серебряныя деньги. Ни объ идолообразномъ устроеніи приха, ни объ разсказываемой „Записками о Чувашахъ“ церемоніи бросаніе стараго приха въ воду я ни прежде ни теперь не слыхалъ ни слова“¹⁾.

Н. И. Золотницкій въ статьѣ о жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ говоритъ: „Словомъ йрих, имѣющимъ настоящее значеніе „посвященія“, у чувашъ означается и предметъ посвященія и мѣсто посвященія (приношенія) и жилище того духа, которому дѣлается посвященіе, это же слово составляетъ общее именованіе и самихъ духовъ, которые при томъ имѣютъ частныя названія по своимъ свойствамъ, по качеству мѣстности, по имени селенія или владѣльца усадьбы, по именамъ христіанскихъ и мухамеданскихъ святыхъ и даже по именамъ древнихъ властителей. Духи эти нетолѣю переходятъ вмѣстѣ съ своими жилищами при перемѣщеніи послѣднихъ, но и размножаются, подобно киремети, посредствомъ отдѣленія частицъ отъ ихъ жилищъ“²⁾.

Профессоръ Е. А. Маловъ въ статьѣ: о вліяніи еврейства на чувашъ говоритъ: „Слово ирихъ (йрих), по нашему мнѣнію, имѣетъ совершенно иное значеніе“.

(¹⁾ Исслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань. 1855 г. стр. 124—125.

(²⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости 1875 г. № 100.

„Я произвожу это слово отъ еврейскаго *яракъ*—прозя-
 бать, произрастать, отсюда *яракъ*—молодая зелень, а также
ерекъ—зелень. Послѣднее слово особенно указываетъ на
 ирихъ-прикъ. Въ Библии слово ерекъ употребляется, когда
 говорится о зелени (Псал. 36, 2. Быт. 9, 3. Исх. 10, 15.
 Сравн. *ярокъ* зелень, мурава. Иов. 39, 8). Такимъ образомъ
 слово *йирихъ* есть еврейское“¹⁾.

Позднѣйшіе авторы для выясненія значенія ириховъ въ
 жизни чувашъ сообщаютъ фактическихъ данныхъ болѣе,
 чѣмъ мало. Такъ священникъ В. Я. Смѣловъ въ статьѣ
 „Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ“
 объ ирихахъ говоритъ лишь слѣдующее: „Йирихъ—большую
 частью какое-нибудь дерево, рѣдко—старый амбаръ. Йирихъ
 посылаетъ наружныя болѣзни, особенно чирьи. Въ жертву
 приносятся куски холста, серебряная монета, а для избав-
 ленія отъ чирьевъ—кружечки изъ олова. Кружечки эти пред-
 варительно накладываются на чирей“²⁾.

Діаконъ В. И. Миролюбовъ въ статьѣ: „Изъ быта кре-
 щеныхъ чувашъ (добавимъ—села *Чутеева*, Цивильскаго уѣз-
 да) говоритъ „Ирихъ—это два, три отдѣльно растущія де-
 рева, большею частью—вязовыя; духъ, обитающій въ нихъ,
 менѣе злореденъ для чувашъ, чѣмъ духъ киремети. Онъ
 можетъ вредить людямъ только наружными болѣзнями, какъ-
 то: вередями, ранами, и разною сыпью на тѣлѣ, поэтому и
 жертва ириху приносится скромная. Онъ довольствуется
 только перышками, косточками птицъ, разными привѣсоч-
 ками, какъ-то: шелковыми ниточками, разными тухланами
 (кружечками изъ бѣлой жести или свинца) и разными об-
 носками обуви и т. п. Срубить одно изъ такихъ деревьевъ у
 чувашъ считается также дѣломъ невозможнымъ. Еслибы кто
 рѣшился поднять святотатственную руку на ириха, то такой
 смѣльчакъ, по вѣрованію чувашъ, на всю жизнь останется
 покрытымъ неизлѣчимыми струпами“³⁾.

Священникъ И. Архангельскій въ очеркѣ чувашской
 народности говоритъ: „Славяне отводятъ для своего *чура*

¹⁾ О вліяніи еврейства на чувашъ (Опытъ объясненія нѣкоторыхъ
 чувашскихъ словъ). Протоіерея Евоніи Малова. Казань 1882 г. стр. 16.

²⁾ Извѣстія по Казанской Епархіи 1880 г. № 20.

³⁾ Извѣстія по Каз. Епархіи 1889 г. № 21.

или домового помещеніе подь очагомъ или подь печью, а въ извѣстное время—передній уголъ подполья. Чуваши своихъ *йыя*, *йыйхъ*, *йыйра* помѣщаютъ, гдѣ хранятся главные плоды ихъ земледѣльческаго быта—зерновой хлѣбъ — т. е. въ амбарѣ. Нагляднымъ выраженіемъ этого помещенія служить кузовъ съ извѣстнымъ содержимымъ, который и зовется *йыйрихъ*. А такъ какъ изъ всѣхъ видовъ хлѣба у чувашъ преимуществуетъ рожь, то она и называется *йыйра-жь*, а главные остатки, или отброски, т. е. отруби, называются *йыритъ*. Кузовъ помѣщается въ одномъ изъ угловъ амбара въ висачемъ, а если есть полки выше сусѣковъ, въ стоячемъ положеніи. Въ кузовѣ находятся обрѣзки волосъ и ногтей, какъ предметы посвященія, принадлежащіе организму посвящающаго, менѣе другихъ подверженныя разложенію. Сюда же кладутся кусочки олова *тухланъ*, — металла способнаго подниматься (?) (плавиться) скорѣе другихъ металловъ. Есть мнѣніе (чье?), что тухланъ замѣняетъ древняго фетиша чувашъ, маленькаго вершковаго идола, имѣющаго человѣческія формы, который готовится изъ олова (въ родѣ боговъ Лавана, украденныхъ Рахилью). Изъ распросовъ лучшихъ чувашъ по этому поводу, полнымъ довѣріемъ коихъ пользовался въ свое время пишущій эти строки, удалось узнать только то, что подобныхъ формъ нынѣ въ *йыйрихъ* нѣтъ; но у нихъ сохранилось преданіе, что ихъ предки на память съ умершихъ „садчиковъ“, которые сажали (селили) чувашъ на извѣстныхъ мѣста, дѣлали куклы деревянные или оловянные, похожія на нихъ, садчиковъ. Какого размѣра были эти куклы и гдѣ онѣ хранились, теперь чувашы не знаютъ. Куклы эти носили имѣна тѣхъ садчиковъ, въ память коихъ онѣ сдѣланы; напр.: Юшанъ—дубовый, твердый (такъ ли? йошанъ—дубъ, а дубовый по-чувашски йошанранъ) и т. под. Тутъ же въ кузовъ кладутся обрѣзки холста, ситца, сукна, ремешки отъ выдѣланныхъ кожъ и овчинъ и даже щепочки отъ новаго сруба, вообще отъ всякихъ чувашскихъ обновъ. У чувашъ всякая обнова—въ обуви, въ одеждѣ; и въ жильѣ должна получить, такъ сказать, санкцію йыя или йыйхъ. Тутъ же кладутся мелкія монеты. Снаружи кузовъ украшается разноцвѣтными ленточками, а у богатыхъ серебряными монетами. Еще необходимую принадлежность *йыйриха* составляютъ вѣтки рябины, помѣщаемыя внутри и внѣ кузова... *Йыйрихъ*, въ которомъ обобщен-

лось понятіе чувашъ объ умершихъ предкахъ.... наказываетъ чувашъ за отступленіе отъ завѣтовъ старины и порядка, переданнаго предками, и за неуваженіе ихъ памяти—болью въ поясницѣ, лишаями, коростой, скорбутомъ, чирьями, нарываами, глазами и другими накожными болѣзнями, къ которымъ чуваша относятъ изъ міазматическихъ болѣзней оспу и корь по ихъ наружному виду“¹⁾).

Слово ирихъ нѣсколько разъ встрѣчается въ фельетонной статьѣ А. Жакмона: „Чуваша въ Оренбургской губерніи“. но въ дѣйствительности авторъ подъ названіемъ ирихъ описываетъ жертвоприношенія чувашъ киреметямъ, Богу и въ честь покойниковъ; о самомъ же ирихѣ мы не находимъ у него ни одинаго слова“²⁾).

Перехожу къ изложенію свѣдѣній, собранныхъ непосредственно. Въ 1885 году бывший учитель, чувашинъ села Тюрлемы, Чебоксарскаго уѣзда, Мак. Петр. Арзамасовъ доставилъ мнѣ подъ названіемъ ирихъ самодѣльную чувашскую буклу, изображавшую женщину. По его словамъ, эту буклу передалъ ему грамотный чувашинъ деревни Читламы того же уѣзда Григорій Петровъ Бычковъ, который добылъ ее тайно въ лачугѣ своего сосѣда, гдѣ она хранилась въ углу на полкѣ въ игрушечной зимней повозкѣ. Буклу отъ Арзамасова я приобрѣлъ и подарилъ бывшему секретарю Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи С. К. Кузнецову. Этотъ случай и побудилъ меня попытаться собрать объ ирихахъ новыхъ данныхъ.

Проѣзжая зимой 1887 г. Чебоксарскимъ уѣздомъ для осмотра училищъ, я просилъ нѣкоторыхъ учителей добыть мнѣ при случаѣ кузовъ, въ который складываются чувашами жертвенныя приношенія Ириху. Первымъ на мою просьбу откликнулся учитель *Толкинской* церковно-приходской школы, дьяконъ села Яндашева П. А. Троицкій. Въ мартѣ 1888 г. онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Въ бытность Вашу у насъ въ школѣ вы просили, чтобы мы доставили вамъ какъ-нибудь чувашскій ирихъ (въ школѣ при мнѣ былъ и законоучитель священникъ Г. И. Громовъ, котораго

¹⁾ Самарскія Епарх. Извѣстія 1886 г. № 13, 14 и 15. Намъ извѣстно, что авторъ наблюдалъ бытъ чувашъ въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губ. въ Шемуршинскомъ приходѣ.

²⁾ Московскія Вѣдомости 1890 г. № 45 и 70.

П. А. Троицкій и подразумѣваетъ). Вы объясняли, что это есть какая-то кукла, но на самомъ дѣлѣ оказалось не кукла, а расплавленный свинецъ или олово, слитки коего нанизаны на нитку, на подобіе серебряныхъ монетъ. Намъ удалось приобрести его случайно. Сосѣдъ мой Н. Е. Яндашевскій купилъ съ торговъ у односельца Аввакума Владимірова старый чувашскій амбаръ, который онъ и перевезъ къ себѣ на дворъ. Во время складыванія на дворѣ бревенъ изъ одного гнилаго бревна высыпались неожиданно упомянутые слитки. Было это въ присутствіи многихъ чувашъ. Нѣкоторые изъ нихъ помоложе, удивлялись: что это за штука? Но одинъ старенькій объяснилъ, что это есть „*ирихъ*“ и рассказалъ употребленіе его. Ириху налилось горсти двѣ. Если вы таковымъ интересуетесь, то потрудитесь сообщить адресъ вашей квартиры, и я перешлю его вамъ, какъ вскрыется Волга“.

Я, конечно, не замедлилъ отвѣтомъ и попросилъ П. А. Троицкаго записать и сообщить мнѣ тѣ объясненія, которыя сдѣлалъ старенькій чувашинъ объ употребленіи слитковъ.

Во второмъ письмѣ, отъ 20 апрѣля, П. А. Троицкій объ ирихахъ сообщилъ слѣдующее:

„Ирихъ—вещь родовая, наслѣдственная; переходитъ онъ изъ роду въ родъ, но съ того мѣста, гдѣ разъ назначено ему быть не трогається до сгниенія или случайнаго исчезновенія амбара или лагучи, въ которыхъ онъ храниться. По мнѣнію чувашъ, ирихъ есть какое-то цѣлебное вещество или божество, предохраняющее ихъ отъ глазныхъ болѣзней, веретовъ и другихъ подобныхъ нарывовъ; заболѣеть, напр., чувашинъ глазами и вотъ онъ начинаетъ молить „ирихъ“.

Для моленья печется предварительно изъ пшеничной муки прѣсная лепешка. На этой лепешкѣ, до посадки ея въ печь, дѣлается по срединѣ концомъ скалки углубленіе, а по краямъ, пальцами рукъ, пять защиповъ. Когда лепешка испечется, начинаютъ варить „*нимеръ*“. Это есть родъ киселя. „*Нимеръ*“ готовится такъ: въ подвѣшенный надъ горномъ (вочахъ) котелъ наливають воды, кладутъ потребное количество соли и начинаютъ кипятить воду; когда вода вскипитъ, пускаютъ въ нее извѣстную пропорцію пшеничной муки и коровьяго масла (*сю*) и снова смѣсь начинаютъ кипятить. Кипятятъ довольно долго. Наконецъ „*сю нимеръ*“ готовъ. Тогда на средину избы выставляютъ столъ, ставятъ

на него „сю нимеръ“, кладутъ упомянутую выше пшеничную лепешку и топоръ или косарь; передъ иконами на божницѣ затепляютъ восковую свѣчу и затѣмъ приступаютъ къ изготовленію „ириха“.

Ирихи дѣлаются такъ: одна изъ старухъ иногда и стариковъ (изготовленіемъ ириховъ заправляютъ болѣе женщины, мужчины же участвуютъ побочно) беретъ въ руку широкую лучину, на средину ея кладетъ маленькій кусокъ олова или свинца и затѣмъ свободный конецъ лучины зажигаетъ, держа лучину подъ топоромъ или косаремъ; огонь, достигнувъ до середины лучины, гдѣ положено олово или свинецъ, расплавляетъ послѣдній, расплавившееся вещество вапаетъ на топоръ или косарь, и вотъ—„ирихъ“ готовъ. Топоръ или косарь кладутъ подъ расплавляемое олово или свинецъ потому, что съ нихъ застывшій сплавъ легко снимается, а это-де обстоятельство знаменуетъ то, что также легко ирихъ долженъ очищать струпы у просящихъ у него исцѣленія. Получившійся на топорѣ или косарѣ слитокъ снимается и вздѣвается на нитку. Послѣ этого начинаютъ молить ириха, чтобы онъ избавилъ отъ такой-то болѣзни. Молятся ириху такъ: Сирлакъ пирѣ, ирихъ, косне тюрлетъ и т. д., т. е. Помилуй насъ, ирихъ; глаза исцѣли! Какъ мы тебя, ирихъ, бережемъ, такъ и ты насъ береги отъ всякихъ завѣдуемыхъ тобою болѣзней!

Послѣ молитвы прежде всего вырѣзаются средина лепешки съ сдѣланнымъ на ней углубленіемъ и края съ защитами, въ вырѣзанную средину лепешки кладется часть нимера, отрѣзанныя части лепешки завязываются въ тряпку и опускаются въ кузовъ (йѣрѣх пѣрни, какъ намъ называлъ по-чувашски одинъ учитель чувашинъ); въ то же время въ кузову привязываются оловянные слитки и затѣмъ кузовъ уносится въ амбаръ или лачугу въ жертву ириху. Послѣ этого совершители обряда садятся за столъ сами и принимаются кушать все оставшееся за выдѣломъ ириху.

Изготовленіе ириха и моленье ему совершаются тайно не только отъ сосѣдей, но и родственниковъ совершителей обряда.

У кого въ домѣ нѣтъ родоваго кузова, а вѣра въ ириха есть, тѣ изготовленный „ирихъ“ вѣшаютъ въ полѣ или въ лѣсу на кусточкахъ.

Объ прихахъ—заканчиваетъ письмо П. А. Троицкій—сообщила всё подробности старушка, которая при васъ сидѣла у насъ въ школѣ съ канчалушкой (прялкой); старикъ же, бывший при выпаденіи приховъ изъ гнилого амбара въ с. Яндашевѣ, рассказывалъ мало, сухо, коротко“....

Къ сожалѣнію, и во второмъ письмѣ П. А. Троицкаго есть существенныя недомолвки. Такъ изъ его описанія не видно: кѣмъ и съ какими обрядностями снимается и приносится въ избу родовой кузовъ? Какъ располагаются передъ столомъ совершители обряда? Съ какими обрядностями привязываются къ кузову оловянные слитки и затѣмъ послѣдній уносится? Не менѣе жаль, что молитва приху приведена П. А. Троицкимъ не сполна и не указано лицо, читающее молитву. Особенно важно бы знать: какъ называются почувашски мѣста въ полѣ или въ лѣсахъ, гдѣ вѣшаются слитки совершителями обряда, неимѣющими родоваго кузова? Вѣшаются ли слитки всегда на извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ или же каждый разъ въ разныхъ? Отвѣты на эти вопросы важны для выясненія особенностей жертвоприношенія прихамъ и киреметямъ, что этнографами постоянно смѣшивается.

Разсортировавъ доставленные мнѣ П. А. Троицкимъ слитки, я насчиталъ ихъ 121 экземпляръ. Въ этомъ числѣ оказались два слитка свинцовыхъ и 119 оловянныхъ. Слитки имѣютъ ту форму, какую сплавъ получилъ при паденіи на холодное желѣзо. Нѣкоторые кусочки олова упали на желѣзо видимо нерасплавившимися и за это не забракованы. Самый большой слитокъ не болѣе 20-ти копѣечной серебряной монеты. По краямъ слитковъ имѣется по одной дырочкѣ, въ которыя продѣты нитки, длиною отъ $1\frac{1}{2}$ четверти до $1\frac{1}{2}$ вершковъ. Каждый отдѣльный слитокъ нанизанъ на особую нитку. Нитки—льняныя, небѣленныя, въ большинствѣ случаевъ не крученныя (обрывки пряжи); одинъ слитокъ оказался нанизаннымъ на синюю крученую нитку. Концы нитокъ большею частію оставлены свободными для подвязыванія, у нѣкоторыхъ же онѣ связаны въ кольцо для подвѣшиванія слитковъ. По разборѣ слитковъ, остался пучекъ нитокъ безъ слитковъ.

Въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ Казань. 1881 г., въ выносѣ на 82 стр., слово чувашина села Абапъ Василя Якимова, говорится:

„Если желаютъ кому за что-либо отомстить, то загибають йириха (т. е. слитую штучку) по поламъ, въ родѣ пирога, и при этомъ говорятъ: согни киреметь (прихъ?) моего врага такъ, какъ я согнулъ этого йириха! Далѣе: иногда ворожецы рекомендуютъ кому либо изъ проходящихъ къ нимъ за совѣтомъ идти къ такой-то киремети (на мѣсто жертвенныхъ приношеній приху?) отыскать близъ нея на его бѣду согнутаго йириха и разогнуть, чтобы бѣда прошла“.

Въ числѣ 121 слитка, доставленныхъ мнѣ П. А. Троицкимъ, пять слитковъ и дѣйствительно оказались согнутыми, но сплюснуты ли они съ указанной цѣлью или при переноскѣ слитковъ,—сказать положительно нельзя, потому что слитки сплюсчиваются при самомъ легкомъ нажимѣ на нихъ.

Вслѣдъ за П. А. Троицкимъ мнѣ доставленъ былъ кузовъ, съ привѣшенными къ нему оловянными слитками учительницей Абашевского сельскаго училища Чебоксарскаго уѣзда К. П. Богоявленской. Кузовокъ этотъ шить изъ бересты. Великоною отъ 1½, вершка въ вышину и 1½, вершка въ ширину. Въ отверстіе его, чтобы кузовъ не суживался, вставленъ изнутри черемуховый обручикъ, пришитый къ краямъ кузовка нитками. Снаружи къ отверстию прикрѣплена лямочка изъ крученаго лыка. Оловянные слитки, нанизанные на обрывки некрученой пряжи, разной длины, привязаны къ личной лямочкѣ въ мѣстѣ ея прикрѣпленія съ наружной стороны. По счету слитковъ оказалось 15; изъ нихъ два свинцовыхъ. Великоною и по формѣ слитки одинаковы съ описанными выше. Согнутыхъ пирогомъ нѣтъ ни одного. Внутри кузовка было вложено 7 нохратокъ (изъ бѣлой жести кружечки),—одинъ великою въ 15-ти копѣечную монету, остальные—съ горошину. По словамъ доставительницы, кузовокъ добытъ ея учениками изъ деревни Чиршъ кассы, Абашевского прихода. Кузовокъ видимо сдѣланъ недавно.

Въ іюнѣ 1887 года учитель - чувашинъ Кюгесьской школы Матвѣй Григорьевъ доставилъ изъ того же Абашевского прихода подъ именемъ „йерѣхъ нѣрни“ (приховъ кузовъ) четырехъ-угольную корзину, сплетенную изъ лыка. Къ сожалѣнію, этотъ доставитель счелъ неприличнымъ доставить корзину въ томъ видѣ, какъ она была доставлена ему, а предварительно вымылъ ее, оборвалъ всѣ принадлеж-

ности къ ней и выбросилъ подстилку, бывшую на днѣ. Доставленная Григорьевымъ корзинка по измѣренію оказалась: вышиной $2\frac{1}{4}$ вершка, таковой же она ширины къ одному краю, а къ другому 2 вершка. Надъ отвѣрстіемъ, какъ и у предшествовавшаго кузовка, веревочная лямка. Корзинка видимо давняя. Въ корзинку было вложено: 15 слитковъ, 10 нахратоевъ, $7\frac{1}{2}$ ячменныхъ колобковъ и 4 восковыя свѣчи.

Всѣ слитки, бывшіе въ корзинѣ,—свинцовые, величиной вчетверо болѣе описанныхъ выше; отлиты они, повидимому изъ чайныхъ оберточныхъ листовъ и нанизаны на нитки.

Изъ числа нахратоевъ двѣ—величиною въ горошину, остальные 8 въ серебряный пятикопѣечникъ.

Колобки, или какъ назвали ихъ по-чувашики предположительно одинъ чувашинъ, *юремѣтъ*, походятъ на копѣечную булку, но вдвое менѣе. По краямъ колобковъ имѣется до 7 зашиповъ, а въ серединѣ—углубленіе. У одного колобка въ углубленіи замѣтна бѣлесоватая засохшая масса, вѣроятно, пимерь. Края четырехъ колобковъ и одной половинки источены, повидимому, насѣкомыми.

Восковыя свѣчи длиной до $2\frac{1}{2}$ вершковъ, а толщиною въ стволъ вороньяго пера; одна изъ нихъ бѣлаго воска, остальные три желтаго. Свѣтельни у желтыхъ обожжены.

Доставитель корзинки, хотя и чувашинъ, но о культѣ приховъ чувашами ничего сообщить не могъ, потому что съ дѣтства жилъ въ г. Чебоксарахъ, гдѣ совсѣмъ обрусѣлъ.

Въ мартѣ 1889 г. былъ доставленъ мнѣ приховъ кузовъ учителемъ-чувашиномъ Яковымъ Ивановымъ изъ деревни Малыхъ Мемей (Куль башъ), Свіяжскаго уѣзда. Мало-меминскій кузовъ сдѣланъ изъ вязовой коры, имѣетъ форму обыкновенныхъ русскихъ кузовьевъ. Вышиной отъ 3 верш., шириной по дну около 2-хъ вершковъ. Лямка для подвѣшиванія ниточная. Оловянные слитки привязаны въ мѣстахъ прикрѣпленія лямки съ обѣихъ сторонъ. Съ одной стороны кузова прикрѣплено пять оловянныхъ слитковъ и одинъ свинцовый, съ другой—девять. Кузовъ взятъ тайно изъ лагуги вдовы Анны Макаровой, считающейся въ деревнѣ вожеей.

По собраннымъ до получения этого кузова свѣдѣніямъ отъ учениковъ Мало Меминской школы Братства св. Гурія,

въ деревнѣ Малыхъ Миляхъ прихи имѣются въ пяти домахъ. Одинъ изъ владѣльцевъ приха извѣстенъ въ деревнѣ подь именемъ „*йерех-набай*“—дѣдушка, имѣющій прихъ ¹⁾).

Въ жертву прихамъ, кромѣ перечисленныхъ выше приношеній, въ Малыхъ Мемахъ приносятся еще куриныя яйца, зачерненные сажей съ того или другого конца. Отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ нѣтъ приховъ, жертва приху всовывается въ плетни и заборы, окружающіе усадебную осѣдность владѣльцевъ приха. Разъ былъ такой случай, рассказывали мнѣ ученики. Чувашскіе мальчики, игравшіе на улицѣ, замѣтили повѣшенный на плетень оловянный слитокъ, сняли его на землю и стали хлестать прутьями. На другой день у одного изъ шалуновъ вскочилъ чирій. Родители этого мальчика, узнавъ объ участіи его въ предшествовавшей проказѣ, для умиловивленія приха поспѣшили принести въ жертву яйцо.

Бывшій учитель Бичуринскаго 2-хъ класснаго училища, Чебоксарскаго уѣзда, изъ чувашъ Ядринскаго уѣзда О. Н. Никифоровъ сообщилъ намъ, что словомъ прихъ чуваша называютъ духа. Наружнымъ изображеніемъ его служить кукла, представляющая дѣвушку. Такую куклу вложенную въ кузовъ съ жертвенными приношеніями приху, онъ видѣлъ въ дѣтствѣ въ амбарѣ своего ододеревенца. Случилось такъ, что съ амбара вѣтромъ сорвало крышу, и деревенскіе мальчики, узнавъ объ имѣющемся въ амбарѣ прихѣ, лазили въ амбаръ посморгать приха. Что касается рябины, то она у чувашъ считается вообще цѣлебнымъ средствомъ отъ вредоносныхъ духовъ. Такъ чуваша навѣшиваютъ части рябиновыхъ вѣтокъ на шею дѣтямъ, больныхъ скорбутомъ, что по-чувашски называется „*Вубурь чумлатъ*“. Близъ мѣста нахожденія приховъ строго воспрещается исправлять естественныя нужды. Въ послѣднее время, по словамъ г. Никифорова, много приховъ брошено чувашами въ рѣчку въ Тимирсянскомъ приходѣ, Буинскаго уѣзда, подь вліяніемъ поученій одного чувашина.

Лучшій экземпляръ приха, въ формѣ круглаго небольшого лукошка, имѣется въ Миссіонерскомъ Приютѣ въ Ка-

¹⁾ Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ дер. Таганашевой, былъ чувашинъ подь названіемъ Ирихъ Хведеръ, т. е. Хранитель приха Ѳедоръ. См. Матеріалы къ об. старой чув. вѣрн. стр. 80.

зани. Тамъ же хранятся принадлежности приха, обнаруженнаго въ деревнѣ Масловой (Кивьяль), Чебоксарскаго уѣзда, подъ именемъ „*Мелмъ хузя*“ и описаннаго въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры (стр. 68—77). Н. И. Золотницѣй названіе этого приха произвелъ отъ имени магометанскаго святого, но, судя по тому, что прихи у чувашъ переходятъ изъ рода въ родъ по наслѣдству, что чувашскія языческія имена были одинаковы съ татарскими и что титуль „*ходжа*“ (татар. козя, кузя, чуваш. хозя, хузя) носили и чуваша, можно предполагать, что „*Мелмъ хузя*“ былъ предокъ тѣхъ чувашъ, у потомковъ коего онъ былъ обнаруженъ.

Отъ слова прихъ, кромѣ лицъ, и вещей носятъ названія селенія, рѣчки и острова. Такъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ существуютъ деревни: Ирихъ сирьмы (Ириховъ оврагъ) въ Кошеинскомъ и Акулевскомъ приходахъ. Въ томъ же Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ юго-западномъ его углу, подъ деревнями Большое и Малое Карачурино Янгилединскаго прихода, Козмодемьянскаго уѣзда, протекаетъ рѣчка Йерекъ шу. На берегу этой рѣчки чувашами совершаются обильныя жертвенныя приношенія ¹⁾. Въ ядринскомъ уѣздѣ рѣчка „*Йерекъ шу носъ*“ течетъ въ присурскихъ лѣсахъ, близъ Кошлоунскаго прихода.

Несомнѣнно отъ слова прихъ получилъ названіе „Ириховъ островъ“ на рѣкѣ Волгѣ, при деревнѣ Арахчиной, выше села Верхняго Услона. Съ этимъ названіемъ островъ упоминается въ одномъ документѣ подъ 1594 годомъ ²⁾. До 1795 г. Иреховъ островъ принадлежалъ помѣщику Желтихину, а теперь — городу Казани.

¹⁾ Волжскій Вѣстникъ 1887 г. № 201. (Корреспонденція изъ Чебоксарскаго у.).

²⁾ Село Верхній Услонъ. Извѣстія по Казанской Епархіи 1881 г. № 7.